

Иван Григорьев

МАТЕРИК

Том первый

2026

Иван Григорьев
Материк. Том первый

Содержание

От автора	12
Пролог. Лифт	24
Часть первая. Власть, не успевшая стать законом	28
Глава 1. Хозяин земли русской	29
Две беды	34
Источники	36
Глава 2. Слово, которого не было	37
Вера казённая	40
Империя и её окраины	43
Тридцать два года	46
Культура перед разломом	50
Цусима	53
Источники	55
Глава 3. Правды и защиты	57
Двенадцать человек	61
Источники	63
Глава 4. Семьдесят два дня	65
Ссылный с ружьём	68
Источники	71
Глава 5. Двадцать лет покоя	72
Источники	75
Глава 6. Глупость или измена	77
Источники	80
Глава 7. Власть на мостовой	81

Часть вторая. Временно, навсегда	85
Глава 8. Караул устал	86
Источники	89
Глава 9. Вопрос о классе	90
Подвал	93
Глава 10. Хлеб военного образца	97
Исход	100
Мешочки	103
Источники	106
Глава 11. Сделка	107
Новый быт	110
Право на комнату	113
Человек по документу	116
Право на имя	118
Письменность	121
Источники	123
Глава 12. Пароход и печать	124
Самое важное из искусств	127
Изъятие	130
Батюшка	133
Соловки	136
Крестины тайком	138
Спецхран	140
Глава 13. Секретарь	143
Ликбез	146
Цензор	149
Редактор	151
Часть третья. Миллионы маленьких решений	153
Глава 14. Перелом	154
Крестьянка	157
Глава 15. Тихая зима	161
Глава 16. Гора Магнитная	165
Инженеры человеческих душ	168
Работа как обязанность	171
Гордость по разнарядке	173
Инженер	177

Большой стиль	179
Стрелки	183
Общежитие	185
Школа в форме	187
Доска почёта	189
Собрание	191
Стенгазета	193
Знак качества	195
Профком	197
Субботник	199
Выставка достижений	201
Швейная машинка	203
Барак	205
Общая кухня	206
Перепись, которую расстреляли	208
Планетарий	210
Тарелка на стене	212
Трудовая книжка	214
Ночная смена	216
Характеристика	217
Изобретатель	219
Готов к труду	221
Час для себя	223
Дом на срок	224
Учительская	226
Родительское собрание	228
Продлёнка	229
Училище	231
Наставник	233
Кем быть	234
Кому достанется книга	236
Глава 17. Лимит	238
Жена изменника	242
Донос как соучастие	244
Нарком	247
Глава 18. Архипелаг	251

Глава 19. Война	255
Народы по описи	259
Пропавший без вести	262
Сто двадцать пять граммов	265
Мёртвая дорога	268
Гарнизон	270
Медальон	271
Вечный огонь	273
Парад	275
Глава 20. Заслужили	277
Наука под конвоем	280
Сорок дней Кенгира	283
Дальстрой	286
Третий голод	288
Норильское лето	291
Надзиратель	293
Грант	295
Аспирант	297
Наука с чемоданом	298
Экспедиция	300
Наукоград	302
Лекция	304
Стартап	305
Академия	307
Часть четвёртая. Мягкая хватка	309
Глава 21. Закрытые двери	310
Целина и кукуруза	313
Неперспективные	316
Свобода по лимиту	319
Две России за одним столом	322
Альбом	325
Смена	328
Дети войны	330
Кружок	332
Доярка и тракторист	334
Детская книга	336

Коробка	338
Стиляги	339
Агроном	341
Пасека	343
Игрушка	345
Сельский клуб	347
Первое сентября	348
Последний звонок	350
Детский дом	352
Сельпо	354
Теплица	356
Школьный автобус	357
Первая получка	359
Тренер	360
Интернат олимпийского резерва	362
Проба	363
Фанат	365
Бассейн	366
После спорта	368
Марафон	369
Урок физкультуры	371
Глава 22. Отдельная дверь	373
Чёрная суббота	376
Дело валютчиков	379
Глава 23. Мягкая хватка	383
Магнитофонная правда	387
Пятая графа	390
Диагноз	393
Смешанный брак	396
Источники	398
Глава 24. Кухня и очередь	399
Шесть соток	402
Игла	405
Анекдот	408
Магистраль	411
Три кнопки	414

Феня	417
Двор	420
Телефон	423
Электричка	426
Непечатное	429
Новый год	431
Распределение	434
На картошку по разнарядке	436
Обед по прейскуранту	439
Мастерская за воротами	441
Отдых по списку	443
Обещание на сберкнижке	445
Торговля с рук	448
Страна на нижней полке	450
Право на горячую воду	452
Мастер и его заказчик	453
Очередь на квартиру	455
Шесть соток и электричка	458
Переезд по цепочке	460
Власть за прилавком	461
Жизнь по расписанию	463
Дворцы под землёй	465
Решить вопрос лично	467
Страна на крыле	469
Кооперативная квартира	470
Первая машина	472
Занятия за наличные	474
Текст под копирку	476
Техника для второй смены	477
Запас до весны	479
Город по временному пропуску	481
Военная кафедра	483
Память в семейном альбоме	485
От счётчика к алгоритму	486
Хозяйка дальнего вагона	488
Цена угольной тонны	490

Равенство у станка	492
Человек на высоте	494
Город при комбинате	495
Ответственный за чужие цифры	497
За чашкой чая	499
Дорога по воде	500
Свобода на двух колёсах	502
К морю без путёвки	504
Книга жалоб	505
Мотоцикл с коляской	507
Наука по плану	509
Вычисление по образцу	510
На что живёт студент	512
Касса взаимопомощи	514
Цена тепла	516
Работа к круглой дате	517
Несколько строк через расстояние	519
Деньги под охраной	521
Дорога на доверии	522
Мера пайка и памяти	524
Молоко со своего двора	526
Государство за краем асфальта	527
Последние километры до дома	529
Другая сторона реки	531
Платная дорога	532
Страна из кабины грузовика	534
Придорожное кафе	535
Ямочный ремонт	537
Свет над переходом	538
Малый аэропорт	540
Чтобы ничего не произошло	542
Права в зале ожидания	543
Там, где не проехать	545
Расписание повседневной жизни	546
Люди, на которых держится путь	548
Начальник станции	549

Вещи вслед за человеком	551
Глава 25. Груз и реактор	553
Казарма старших и младших	556
Между помощью и наказанием	560
Пятнадцать месяцев	562
Товарищеский суд	565
Власть в пределах участка	567
Приговор после освобождения	569
Свобода к памятной дате	571
Глава 26. Прямой эфир	573
Минеральный секретарь	577
Реки против течения	579
Двадцать шестое апреля	582
Тридцатый километр	584
Помощь среди руин	586
Предприниматель по разрешению	589
Очередь на Пушкинской	593
Толстые журналы	596
Бутылка как общественный институт	598
Другие деньги за тем же стеклом	601
Целина в июле	604
Торговля через железный занавес	606
Два билета	608
Книжный голод	610
Культура на чужом носителе	612
Дефицит фасона	615
Цирк и зверинец	616
Сцена на двадцать человек	618
Кто отвечает за клетку	620
Большая музыка в областном городе	622
Стройка по личному договору	624
Свобода рисованного мира	626
Тихая охота	628
Лотерейный билет	630
Танцы под присмотром	632
Страна за шахматной доской	633

Олимпиада со слезами на глазах	635
Человек, который привозил кино	637
Вторая жизнь чужих вещей	639
Место встречи продавца и покупателя	640
Готовый ужин после работы	642
Горячее по карману	643
Мест нет при полупустом зале	645
Правила общего стола	646
Праздник в одной тарелке	647
Вкус детства и государственный стандарт	649
Общий стакан доверия	650
Человек с заказом у двери	651
Свобода с иностранной этикеткой	653
Обувь для новой повседневности	654
Тепло как знак достатка	655
Спортивный костюм	657
Запах личного выбора	658
История, записанная на коже	660
Право на своё отражение	661
Человек за стойкой гардероба	663
Что осталось от накопленного	664
Покупка сегодня, платёж завтра	667
Заём до зарплаты	669
Тридцать лет платежей	672
Граница между долгом и травлей	674
Помощь по страховому договору	677
Доверие с точностью до копейки	679
Запас, позволяющий сказать нет	681
Отдых между правом и разрешением	683
Шесть соток сегодня	686
Договориться без начальника	688
Общее начинается у воды	691
Указатель глав и подглав	693

От автора

Я родился в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году в Калининграде, в стране, которой больше нет, и в городе, который после её исчезновения оказался в довольно странном положении. Калининградская область осталась отдельным куском России на Балтийском море, отрезанным от основной территории страны другими государствами, и если ехать отсюда в Россию по земле, приходится пересекать границы. В детстве я, конечно, ничего не знал ни об эксклавах, ни о геополитике, ни о последствиях распада империй, для меня существовал только Калининград, холодное Балтийское море, Польша и Литва за границей и Москва где-то очень и очень далеко.

Отец работал инженером-электриком на заводе «Янтарь». До этого он окончил Ленинградский электротехнический институт, на его потоке было около тридцати человек, а до выпуска дошли пятеро, и отец был одним из них. В этом была вполне советская последовательность, которую я понял гораздо позже. Государство учило человека, давало ему профессию, после чего отправляло туда, где она была нужна, и дальше жизнь в значительной степени была понятна заранее. Отец был инженером, работал на заводе и едва ли мог предположить, что однажды исчезнет не его профессия и даже не сам завод, а то устройство, в котором всё это имело смысл.

Мама работала проводницей на железной дороге и ездила в Москву, и благодаря этим поездкам у меня появлялись современные на тот момент игрушки. Сейчас довольно трудно объяснить ребёнку, почему за обычной игрушкой кому-то нужно было ехать за тысячу двести километров, но тогда это никому не казалось странным. Москва существовала где-то далеко и одновременно время от времени приезжала к нам домой вместе с мамой в виде машинки или ещё какой-нибудь вещи, которой в Калининграде не было. Поэтому возвращения матери из рейса я ждал особенно, хотя никакого ощущения бедности я тогда не испытывал.

Вообще слово «бедность» к своему советскому детству я применить не могу, хотя по сегодняшним меркам жили мы более чем скромно. Дома стоял телевизор «Горизонт», холодильник «Свияга», было ещё несколько необходимых вещей, и этим опись имущества почти исчерпывалась. Во двор нас выходило человек пятнадцать, иногда двадцать, и не было среди нас ни одного, у кого имелось бы хоть что-нибудь такое, что позволяло считать себя богатым. Богатство измерялось тем, у кого есть хороший мяч, чей отец смог достать доски для хоккейной коробки и кому привезли из Москвы игрушку, которой остальные ещё не видели.

Калининград всё-таки был морским городом, поэтому у некоторых ребят родители ходили в море и возвращались из рейсов с вещами и едой, которых у остальных не было. Кто-то приносил необычные конфеты, жвачку, банку какого-то иностранного напитка или вещь, название которой мы даже не знали, и на несколько дней это становилось главным событием двора. Всё рассматривали, трогали, пробовали, обсуждали, а потом появлялось что-нибудь другое, и внимание переключалось. Любая заграничная вещь тогда воспринималась немного иначе, потому что вместе с ней в обычный двор попадал кусочек мира, который мы сами почти не видели.

Мы ничего особенно не имели, но мысль о нехватке долго не приходила мне в голову: вокруг все жили примерно одинаково, и сравнивать было почти не с чем. Разница стала заметной позже, когда у одного появилась «Денди», у другого «Сега», кому-то отец привёз что-то из моря, у кого-то были хорошие кроссовки, а кто-то уже мог похвастаться своим магнитофоном. Вот тогда постепенно и возникло понимание, что семьи живут по-разному.

Родители работали, и сегодня эти слова звучат почти пусто, но за ними стояло устройство, которого я потом уже не видел. Работа была не только местом заработка, а частью всей жизни, потому что через неё были связаны жильё, очередь на него, детский сад, путёвки, распределение и ещё множество вещей, которые сейчас кажутся странными. Родители не искали работу и не боялись её потерять, они просто туда ходили. Государство было жёстким, неповоротливым и часто безразличным к человеку, но

сама система казалась постоянной, и почти никто вокруг не жил с ощущением, что завтра всё может исчезнуть.

Потом появились маленькие флажки с двумя словами, которые мы выучили раньше, чем поняли, — гласность и перестройка. Взрослые произносили их с надеждой, а мы повторяли за ними и, конечно, не понимали, что всё вокруг уже начало меняться.

Страна исчезла, а мы остались на том же месте, только само место внезапно стало другим. Калининград из западной окраины большой страны превратился в российский остров между Европой и остальной Россией, и география довольно быстро стала способом заработка. Польша и Литва находились рядом, Германия немного дальше, а большая Россия теперь начиналась за несколькими государственными границами. Через эти границы потекло всё, на чём можно было заработать, продукты, одежда, техника, автомобили, запчасти и вещи, которые здесь стоили дороже, чем там.

Люди ездили в Польшу и Литву за продуктами, сосисками, колбасой и бытовыми мелочами, и поездка за покупками в другую страну постепенно стала совершенно обычным делом. Из Германии гнали подержанные автомобили, сначала для себя, потом на продажу, а потом это превратилось в отдельный бизнес, вокруг которого жили перегонщики, продавцы, ремонтники, перевозчики и множество людей, чьи профессии ещё недавно никому не были нужны. Машины шли через Калининград дальше в Россию, товары из Европы двигались примерно тем же маршрутом, и край довольно быстро научился зарабатывать на собственной оторванности.

Оставалось море. Калининградская область долго жила рыбой, портами, судами и переработкой, а ещё янтарём, которого здесь было столько, что вокруг него существовал отдельный мир. Янтарь добывали официально и неофициально, копали где можно и где нельзя, продавали, перепродавали, вывозили, и рядом с легальной промышленностью существовала другая жизнь, о которой все знали, но которая почти нигде не была оформлена. В девяностые вообще многое так и работало.

Дальше время пошло быстро, и мы выросли вместе с первыми вещами, которые можно было купить себе самому, жвачкой «Лав из», вкладышами, «Турбо», дешёвыми игрушками и всем тем, что постепенно заполняло рынки. Вкладыши хранили, меняли, проигрывали, иногда из-за них дрались. Взрослые в это время занимались уже совсем другими вещами, потому что у обочин выросли палатки, появились рынки, а рядом возникли люди, которые что-то привозили, перепродавали и назывались новым словом «предприниматели».

Отцу перестали платить, и никто отдельно не объявлял, что теперь всё будет именно так. Зарплата не пришла сначала за один месяц, потом ещё за несколько, а потом счёт уже никто особенно не вёл. Человек, которого государство выучило, дало ему профессию и отправило работать инженером на завод, продолжал утром вставать и идти на работу, только денег за эту работу больше не получал. Это, наверное, и было для меня первым настоящим объяснением того, что правила могут закончиться без предупреждения.

Мы жили тем, что вырастили на огороде, и я до сих пор хорошо помню вкус той картошки. Никто вокруг не называл происходящее катастрофой, потому что так жили очень многие. Когда у одного человека нет денег, он начинает думать, что проблема в нём, а когда денег нет у всего завода, это уже становится обычной жизнью.

Через нашу реку строили мост, начали при одной стране, а бросили при другой, и он простоял недостроенным столько, сколько я себя помню. Для взрослых это был очередной незаконченный объект, для нас дорога на тот берег, место для игр и одновременно настоящая граница. Наш район назывался Остров, а район на другой стороне назывался База, и отношения между двумя берегами иногда выяснялись прямо на этом мосту.

Я помню драки район на район, когда с каждой стороны собиралось примерно по сто человек и две толпы выходили навстречу друг другу. У людей были дубинки, кастеты, камни и всё, что можно было взять с собой, а мы были маленькими и смотрели издали, потому что сами для участия были ещё слишком малы.

Я помню людей, падавших с моста, помню, как две толпы двигались друг на друга, и самое странное сейчас в том, что тогда это не воспринималось как что-то невероятное. Было страшно, было интересно, взрослые запрещали туда ходить, но в целом всё это укладывалось в окружающую жизнь: сегодня Остров дрался с Базой, завтра происходило что-нибудь другое.

В обычные дни мы сами лазали по этому мосту на другой берег, перебирались по балкам без перил над водой и знали места, куда можно поставить ногу, а куда лучше не ставить, и это было опасно, запрещено и совершенно обычно. А через реку над городом стояла ещё одна незаконченная конструкция, только намного больше, Дом Советов. Его начали строить в начале семидесятых годов как главное административное здание области, довели до огромной бетонной коробки, но закончить так и не смогли. Советский Союз исчез, чиновники туда не въехали, а дом так и остался стоять посреди города на десятилетия. Мы, конечно, лазали и туда. Для взрослых это был главный долгострой Калининграда, для нас просто ещё одно место, куда можно было забраться, и мы поднимались по этажам, ходили по пустым коридорам, смотрели на город из оконных проёмов. Никто из нас не думал о том, что это какой-то символ эпохи: было огромное пустое здание, туда можно было попасть, значит, мы туда шли.

Позже к таким местам добавились и другие стройки, уже не советские. Кто-то начинал строить, потом разорялся или исчезал, и бетонная коробка оставалась стоять. Мы облазили их все, знали ржавую арматуру, пустые проёмы, лестницы, которые никуда не вели, и тогда я не видел в этом ничего особенного, потому что всё это было частью города.

К девятисто шестому году мы уже знали про бандитов всё, что детям знать было, наверное, не обязательно: кто в городе главный, чью машину лучше не трогать, с кем не стоит связываться. Тренер нашей спортивной секции возил нас в летний лагерь на своём джипе, и никто особенно не спрашивал, откуда у тренера джип, потому что он возил детей на море, хорошо к нам относился, а остальное считалось не нашим делом.

Потом различия стали заметнее и среди нас. У кого-то появилась «Денди», и тогда половина двора могла сидеть в одной квартире перед телевизором, передавая друг другу джойстик, а потом появилась «Сега», и это уже казалось чем-то совсем новым. Сейчас ребёнок может играть через интернет с человеком на другом конце света, а у нас вся сеть состояла из нескольких мальчишек на полу перед одним экраном.

В девяносто восьмом году у меня появился первый кассетный магнитофон, самый обычный, и первой кассетой была группа «Кино», Виктор Цой, и я это хорошо помню. Музыку тогда получали иначе, кассеты покупали, переписывали друг у друга, давали послушать, иногда не возвращали. У каждой такой плёнки могла быть своя история, и некоторые песни до сих пор у меня связаны не с музыкой самой по себе, а с конкретным двором, комнатой, магнитофоном и возрастом.

К этому времени двор делился уже не только по районам, но и по тому, что ты слушаешь, как одеваешься и с кем ходишь. Были панки, были рэперы, и определить их часто можно было по одежде, потому что рэперов хорошо выдавали длинные широкие штаны. Я ни к тем, ни к другим особенно не относился, но всё это происходило вокруг нас постоянно.

Когда сходились компания на компанию, сначала панки могли побить рэперов, потом рэперы собирались и шли бить панков, потом кто-нибудь приводил знакомых с другого двора, и уже никто толком не помнил, с чего всё началось. Музыка была только поводом, а гораздо важнее было понимать, с кем ты ходишь и кто придёт за тебя, если что-то случится.

Где-то к девяносто восьмому или девяносто девятому году я начал замечать и другую сторону двора. Некоторые мои друзья начали пить и курить, мат давно перестал быть чем-то запретным, кто-то нюхал клей, а среди ребят, с которыми ещё недавно мы вместе бегали, появились те, кто уже начинал серьёзно спиваться. Тогда это тоже не воспринималось как что-то исключительное, потому что пиво было обычной частью подростковой

жизни, курение считалось признаком взросления, о здоровье никто особенно не думал, и мы сами пили пиво и относились к себе так, будто всё это никогда ни на что не повлияет.

Улица тоже воспитывала по-своему. По дороге из школы у тебя могли отнять деньги, в школе дрались, во дворах дрались, на дискотеках дрались, район ходил на район, а иногда хватало не так посмотреть или не так ответить. Мы довольно рано научились понимать, где лучше пройти другой дорогой, кому не стоит смотреть в глаза, когда нужно отвечать, а когда лучше уйти, но никакой отдельной картины неблагополучия из этого в нашей голове не складывалось, потому что другого мы не знали. Недостроенный мост, Остров и База, драки, сигареты, дешёвое пиво, заброшенные стройки, возможность лишиться денег по дороге из школы и парень постарше, которого лучше обойти стороной, всё это было просто нашей обычной жизнью.

Меня во многом спас спорт. Я занимался греблей и к пятнадцати годам был увлечён ею настолько, что у меня существовал режим, тренировки, люди, которые чего-то от тебя требовали, и понятная цель. Я тогда не думал, что спорт меня от чего-то спасает, мне нравилось заниматься, а сейчас, когда я вспоминаю, куда постепенно уходили некоторые ребята из моего двора, я понимаю, что это имело гораздо большее значение, чем мне тогда казалось.

В пятнадцать лет я перешёл в парашютный клуб и начал прыгать с парашютом, и здесь тоже была своя логика. Вокруг и без того хватало опасности, но парашют отличался тем, что там всё зависело от правил: нужно было учиться, слушать инструктора, знать, что делать в каждой ситуации, и риск был реальным, но понятным.

Именно тогда Дом Советов приобрёл для некоторых ребят ещё одно назначение. Они забирались наверх с парашютами, заранее наполняли купол воздухом и прыгали вниз с уже раскрытым парашютом, и сейчас сама эта мысль кажется безумием, но тогда она вполне помещалась в окружающую жизнь. В городе, где дети лазали по недостроенному мосту, районы сходились

стенка на стенку, а огромное административное здание десятилетиями стояло пустым, подобные вещи воспринимались совсем иначе.

Спорт не сделал меня правильнее остальных и не вынес за пределы среды, потому что мы так же пили пиво, так же не думали о здоровье и росли на тех же улицах. Просто у меня было ещё одно место, куда нужно было прийти, тренировка, вода, парашют, следующий прыжок, и иногда этого уже хватает, чтобы жизнь пошла немного в другую сторону.

Президент к концу десятилетия стал персонажем анекдота, тяжёлый, пьющий, всё реже похожий на человека, который что-то контролирует, и тридцать первого декабря девяносто девятого он попрощался. Фразу «я устал, я ухожу», которую потом запомнила вся страна, он не произносил, сказано было просто «я ухожу», а остальное уже дописала народная память. Потом пришёл Путин, и началась другая эпоха, и мои ровесники встретили её почти взрослыми.

В двухтысячные Калининград снова начал меняться, хотя ещё долго жил по инерции девяностых. Из Германии по-прежнему гнали автомобили, товары шли из Европы в Россию, люди ездили за покупками в Польшу и Литву, работали порты, море продолжало кормить область, а янтарь всё так же кормил тех, кто умел быть рядом с этим бизнесом. Европа для нас никогда не была отвлечённым понятием, она начиналась через несколько десятков километров от дома, и разницу между двумя мирами можно было увидеть не по телевизору, а съездив за продуктами и вернувшись вечером обратно.

Я окончил мореходный колледж, а следом поступил сразу в два института и сделал это не потому, что знал, кем стану, а как раз потому, что не знал. Дело здесь было не только в моей личной растерянности: моему поколению вообще довольно плохо объяснили, как теперь должна выглядеть нормальная жизнь: старые ориентиры уже не работали, а новых никто толком не дал.

Все прежние обещания были даны нашим родителям и на их глазах отменены. Мой отец сделал именно то, что ему предлагала прежняя система, получил серьёзное техническое образование, стал инженером и пошёл работать на завод, он выполнил свою часть полностью, а потом оказалось, что сама система уже живёт по другим правилам. Для моего поколения это был урок сильнее любых слов, потому что мы смотрели не на то, чему нас учили взрослые, а на то, что произошло с самими взрослыми. Взамен нам почти ничего не предложили, самыми заметными фигурами нового времени стали бандит и бизнесмен, а иногда разница между ними была вообще неочевидна, и тот и другой рассчитывал прежде всего на себя, на связи, на силу, на способность договариваться, а кто хотел какого-то третьего пути, искал его сам. Наверное, поэтому я и поступил сразу в два института, не потому, что у меня было слишком много планов, а потому, что не было одного понятного.

Моё поколение прожило несколько разных стран, почти не меняя места жительства. Сначала был Советский Союз, где многое было тяжёлым, неудобным и несвободным, но сама система казалась постоянной, родители знали, где проработают всю жизнь, понимали, на что могут рассчитывать, и строили жизнь исходя из того, что существующие правила завтра никуда не исчезнут. Потом пришли девяностые, и вместе со свободой выяснилось, что государство может практически перестать выполнять значительную часть того, что ещё вчера считалось его обязанностью, сбережения обесценились, заводы продолжали работать, но переставали платить людям, привычные профессии потеряли прежнюю ценность, а порядок всё чаще зависел не от закона, а от того, кто сильнее, у кого больше связей и кто способен договориться. В двухтысячные повседневная жизнь снова наполнилась присутствием власти, появились деньги, дороги, торговые центры, ипотека, нормальные автомобили, возможность путешествовать и ощущение, что самый тяжёлый период закончился и теперь наконец можно строить жизнь хотя бы на десять или двадцать лет вперёд, но и это устройство оказалось не окончательным.

За одну жизнь моему поколению несколько раз пришлось обнаружить: правила меняются быстрее, чем человек успевает перестроить собственную жизнь. Опыт родителей стал нашим опытом, хотя обстоятельства уже были другими.

Наверное, поэтому я так хорошо помню недостроенный мост между Островом и Базой и стоявший через реку Дом Советов. В детстве я, конечно, не видел в них никакого символа, потому что один был просто местом, по которому мы перебирались на другой берег и где районы сходились драться друг с другом, а второй был огромным пустым зданием, куда можно было забраться и посмотреть на город сверху. Позже некоторые ребята из парашютного клуба начали прыгать оттуда с парашютами, и даже это тогда не казалось чем-то совершенно невероятным. Только много лет спустя я понял, насколько точно эти две конструкции соответствовали времени, в котором мы росли. Мост должен был соединить два берега, Дом Советов должен был стать главным административным зданием области, в оба объекта государство вложило огромные деньги и человеческий труд, но государство закончилось раньше, чем закончились его стройки. Люди, которые их проектировали и строили, наверняка исходили из того, что однажды мост откроют, в кабинетах появятся чиновники, а город продолжит жить по намеченному плану, но план исчез, бетон остался, и следующее поколение уже использовало эти конструкции так, как ему было удобно.

В этом, наверное, и заключается одна из особенностей моего поколения. Мы довольно рано привыкли жить среди вещей, которые кто-то начал, но не закончил, среди правил, которые кто-то установил, а потом отменил, среди институтов, которые формально продолжали существовать, хотя уже работали совсем не так, как было написано. Поэтому мы научились не слишком рассчитывать на готовые конструкции и быстро приспосабливаться к новым обстоятельствам. Когда переставали платить зарплату, родители выращивали картошку, когда исчезали привычные товары, люди ехали за ними в Польшу и Литву, а когда официальная экономика не давала возможности заработать, кто-то гнал машины из Германии, кто-то торговал на рынке, кто-то уходил

в море, кто-то добывал янтарь, а кто-то становился тем самым предпринимателем, значение которого мы тогда ещё толком не понимали. Государство менялось, законы менялись, деньги менялись, границы появлялись там, где их раньше не было, а человек всё равно должен был утром встать, накормить семью и решить, что делать дальше.

Именно поэтому эта книга для меня не попытка доказать, что одна эпоха была хорошей, а другая плохой. Советский Союз давал человеку устойчивость и одновременно лишал его огромного количества свободы, девяностые дали свободу и одновременно показали, насколько мало она стоит, когда рядом нет работающих институтов, двухтысячные вернули ощущение порядка и возможность планировать будущее, но со временем выяснилось, что и этот порядок имеет свою цену и свои пределы. Меня гораздо больше интересует другое, почему при совершенно разных политических системах, руководителях, экономических моделях и официальных идеологиях Россия раз за разом приходит к ситуации, в которой человек остаётся перед государством один и не понимает, куда ему идти, кто отвечает за принятое решение и существует ли вообще кто-нибудь, кто за него отвечает.

Ответ на этот вопрос я ищу не в лозунгах и не в попытке найти за сто двадцать девять лет одного виноватого, потому что такого не бывает. Меня интересует само устройство, то, как принимается решение, как оно спускается вниз, что происходит с ним на уровне чиновника, суда, полиции, предприятия, больницы или любого другого государственного института и почему на каком-то шаге ответственность почти всегда растворяется между кабинетами. Поэтому в этой книге будут не только президенты, войны, революции и реформы, но и очередь, справка, отписка, инженер, который продолжает ходить на завод, хотя ему перестали платить, недостроенный дом власти и недостроенный мост, по которому дети всё равно перебираются на другой берег.

Здесь нет приговора и нет оправдания, потому что за сто двадцать девять лет страна слишком много раз менялась, чтобы объяснить всё одним человеком, одной идеологией или одной исторической ошибкой. Здесь попытка разобрать эту конструкцию

по частям и увидеть, что заставляет некоторые механизмы воспроизводиться снова и снова при смене названий, границ, денег, руководителей и государственных символов. Я не жду, что после этой книги что-то изменится, но хочу хотя бы понять, почему несколько поколений людей раз за разом начинают строить жизнь внутри одной системы, привыкают к её правилам, выполняют свою часть договора, а потом обнаруживают, что договор снова переписан без их участия.

Пролог. Лифт

Лифт в этом доме установили осенью тридцать шестого года, в доме ведомственном и новом, с высокими потолками и широкой лестницей, где квартиры давали инженерам, военным и работникам наркоматов, людям, у которых всё получилось. Лифт считался роскошью и предметом законной гордости: кабин светлого дуба, зеркало, начищенная латунная ручка.

Через год жильцы научились его слушать. Он включался внизу глухим толчком, потом в шахте начиналось ровное гудение, по которому можно было считать этажи: третий, четвёртый, пятый. Люди лежали в темноте и считали, и если звук проходил мимо и таял выше, человек выдыхал и ещё долго смотрел в потолок. Если лифт останавливался на его этаже, наступала самая длинная минута из возможных, потому что шаги по площадке могли повернуть налево, к соседям, а могли направо.

Днём эти же люди ходили на службу, сдавали планы, смеялись в курилках и поднимали руки на собраниях, а ночью слушали лифт. Никто ни с кем об этом не говорил и никто в этом не признавался, но в доме, где никто ни в чём не был виноват, у многих стоял наготове собранный чемоданчик с тёплым бельём, сухарями и мылом. Опыт соседей показывал, что собраться не дают.

В квартире на пятом этаже жил инженер-путеец с женой и дочерью, и в феврале тридцать восьмого лифт остановился на пятом. Ушёл он в чём был, чемоданчик жена сунула ему уже в дверях, и конвойный не возражал. Через месяц семью переселили в комнату поменьше и этажом ниже, потому что дом был ведомственный и метры полагались работающим. В освободившуюся квартиру въехал сотрудник соседнего управления, человек не злой и не подлый, четыре года простоявший в очереди на жильё, до которого очередь наконец дошла. О прежнем жильце он старался не думать, и это ему почти удавалось.

Вот вся механика эпохи, уместившаяся в один лестничный пролёт: наверху решали, внизу слушали, а посередине человек

получал освободившуюся комнату и учился не задавать вопросов, на которые всё равно никто бы не ответил.

Осенью сорок первого лифт выключили, берегли электричество, а потом стало и вовсе не до него: окна заклеили крест-накрест, на крыше дежурили мальчишки и сбрасывали вниз зажигательные бомбы. Похоронки почтальонша носила по лестнице пешком, и подъезд выучил уже её шаги, та же наука, только при дневном свете. Дочь арестованного инженера копала под Москвой противотанковые рвы наравне со всеми, и война на время уравнила тех, кого до неё делили на чистых и меченых.

В сорок пятом в подъезде плакали в открытую и обнимали кого попало, и другого такого года в столетии, кажется, не было, и о сорок пятом в доме до сих пор не спорят.

В марте пятьдесят третьего подъезд плакал снова, и почти так же искренне, ведь умер человек, при котором увезли инженера с пятого этажа, и вдова инженера стояла в толпе у репродуктора и тоже плакала, не умея объяснить себе почему. А за одной дверью на третьем этаже в тот вечер выпили вдвоём, тихо, не зажигая света, потому что там четвёртый год ждали сына из лагеря и впервые позволили себе надежду. Через два года сын вернулся, постаревший на двадцать лет, с бумагой о реабилитации, из которой следовало, что сидел он ни за что, и никаких пояснений к этой бумаге не полагалось.

В апреле шестьдесят первого подъезд высыпал на улицу, и незнакомые люди обнимались, ведь человек был в космосе и человек был наш. Радость была настоящая, без разнарядки, и писать об этом придётся так же честно, как о ночных остановках лифта, ведь государство, умевшее увозить людей по ночам, умело и запускать ракеты, и раздавать бесплатные квартиры, и выучивать детей рабочих на инженеров. Это не взаимозачёт, а условие задачи, которую решает вся книга.

К семидесятым лифт разболтался и дребезжал, зато ездил без происшествий, и ночные остановки больше никого не будили. За неправильные слова по-прежнему могли преследовать уголовно, но для многих страх принял другие формы: испорченная характеристика, запрет на поездку, остановленная карьера. Жизнь

стала мягче, однако свободной от преследования за убеждения не стала. На шестом этаже собирались по субботам: кухня в чetyре метра, магнитофон, хриплый голос с плёнки, разговоры вполголоса, и не потому, что придут, а потому, что привычка говорить вполголоса передаётся по наследству, как посуда. Хозяин кухни, между прочим, состоял в партии и понемногу рос по службе, одно другому не мешало, и в этом была суть эпохи.

В девяносто первом лифт сломался окончательно, и чинить его оказалось некому, ведь контора, которой принадлежал дом, перестала существовать, а кому дом принадлежит теперь, не знал никто, включая государство. Жильцы месяц ходили пешком и ругались, потом сложились и наняли мастера, и это было первое в истории дома решение, принятое мимо инстанций, снизу и за собственный счёт. Мастер запил, деньги пропали, скинулись заново, и со второго раза получилось, и свобода выглядела примерно так.

Сосед с четвёртого, из молодых, к девяносто восьмому держал две палатки у метро и копил на квартиру побольше, но в августе его накопления превратились в бумагу за три недели. Он не вышел ни на какой митинг, а занял денег, съездил за товаром и начал сначала, и вера его в государство не пошатнулась по той причине, что её не было. Веры не было, а страна была, и в ней надо было жить.

В нулевые дом ожил: ремонт, домофон, ипотечные новосёлы, консьержка, во дворе стало тесно от машин, а в подъезде поставили новый лифт — бесшумный, с зеркалом и камерой под потолком. Камеру никто не обсуждал, камера и камера, безопасность, и слушать лифт стало незачем и нечего, потому что теперь он сам присматривал за жильцами. Никого это не тревожило, и, возможно, зря, а возможно, и нет, и к камере под потолком книга ещё вернётся.

Осенью двадцать второго в почтовые ящики подъезда легли одинаковые бумаги с гербом, во все сразу, по спискам, и одному из ящиков бумага предназначалась всерьёз. А через неделю, ночью, молодая семья с шестого спустила вниз два чемодана на

колёсиках и кошачью переноску, и лифт ходил бесшумно, и слушать было нечего. Правнук того инженера с пятого этажа улетал утренним рейсом с пересадкой, и в его чемодане, как больше восьмидесяти лет назад, лежали тёплые вещи и документы, а разница была в том, что этот чемодан он собрал сам.

Дом стоит до сих пор. Лифт ходит. Книга охватывает сто двадцать девять лет, а история этого дома начинается позже. За прожитые им десятилетия менялись государство и руководители, но стены оставались на месте. Менялись не стены, менялось то, чего человек в этих стенах боялся, на что надеялся, о чём молчал и что считал нормальным, и это, а не смена флагов над крышей, и есть предмет книги.

Теперь оговорка, обязательная для честности, и место ей здесь, на пороге, прежде чем войти. Этого дома нет на карте: это собирательная сцена, а не история конкретного адреса и не биография одной семьи. Ночной лифт, чемоданчик у двери, освободившаяся комната, кухня с магнитофоном, сгоревший вклад и повестка здесь соединены художественным приёмом. Дальше книга переходит к историческому разбору; его факты и авторские выводы следует оценивать отдельно от этой декорации.

А вопрос, с которым мы входим в эту историю, дом уже задал. В этом доме жили люди — разные, талантливые, терпеливые, какие угодно. А за сто двадцать девять лет, к которым обращается книга, страна прошла через монархию, революционную диктатуру, тоталитарное государство и последующие политические порядки. И в разные эпохи наступал момент, когда человек начинал прислушиваться к звукам за дверью.

Почему — вопрос всей книги, и звучит он не как «кто виноват», ведь виноватые менялись, а прислушивание оставалось. Спросить надо иначе: как устроено государство, при котором это возвращается, и можно ли построить такое, при котором лифт будет только лифтом.

Часть первая. Власть, не успевшая стать законом

Глава 1. Хозяин земли русской

Переписной лист был обыкновенный, типографский, с четырнадцатью графами, одинаковыми для всех: фамилия, возраст, сословие, вероисповедание, родной язык, умение читать, род занятий. В конце января 1897 года Николай II заполнил такой лист в Царском Селе за себя, жену и малолетнюю дочь. В графе занятий императора появилась запись «Хозяин земли Русской».

Николай Второй не шутил и не позировал, он ответил на вопрос анкеты точно, так, как понимал своё дело сам и как понимал его закон. Основные государственные законы империи формулировали то же самое без метафор: власть императора самодержавная и неограниченная, и повиноваться ей Бог повелевает «не токмо за страх, но и за совесть». Анкета не предусматривала графы для неограниченной власти, и она спокойно поместилась в графу «род занятий». Страна в этой записи не территория с гражданами, а хозяйство, и у хозяйства есть хозяин.

Сама перепись между тем была затеей вполне современной, потому что государство, простоявшее без малого триста лет под одной династией, не знало о себе самых простых вещей и прежде всего того, сколько в нём живёт людей. Считали по ревизиям, по губернаторским отчётам, по прикидкам, и оценки расходились на миллионы. И вот сто пятьдесят тысяч счётчиков, учителя, студенты, отставные офицеры, прошли страну от Варшавы до Владивостока и переписали всех по единой форме, в один срок, впервые в истории. Пятнадцатью годами раньше, на московской городской переписи, счётчиком ходил по хитровским ночлежкам Лев Толстой и вынес оттуда не таблицы, а книгу с вопросом вместо названия, «Так что же нам делать?». Перепись умеет производить не только цифры.

В 1897 году она произвела цифры, и насчитали около ста двадцати пяти с половиной миллионов человек, из которых почти девять из десяти жили не в городах, а три четверти были записаны в крестьянское сословие. Читать умел примерно каждый пятый, среди женщин примерно каждая восьмая, и страна оказалась огромной, крестьянской, неграмотной и очень молодой,

а въехать в двадцатый век ей предстояло за одно поколение. Государство впервые увидело себя в цифрах, но увиденное ещё не означало готовности делать из него выводы.

Как один человек управлял хозяйством в сто двадцать пять миллионов душ? Через служилых людей, и здесь начинается первое неудобное открытие: держава управлялась куда реже, чем кажется по русской литературе, населённой чиновниками. Ниже уездного города государство истончалось до одного земского начальника, одного урядника, одного писаря на десятки вёрст, и для крестьянина каждый из них был не представителем власти, а властью целиком, так что жаловаться на урядника можно было только уряднику.

Так было задумано, и в стране не существовало ни единого выборного органа, через который эти сто двадцать пять миллионов участвовали бы в делах центрального управления. Политические партии были запрещены любые, самим фактом существования, рабочие союзы тоже, а стачка со времён фабричного закона восьмьдесят шестого года считалась уголовным деянием. Печать выходила под цензурой, где предварительной, где карательной. Крестьянин был приписан к сословию и общине, без её согласия не получал паспорта, платил выкупные платежи за землю, полученную при освобождении тридцать шесть лет назад, и подсуден был волостному суду, который ещё имел право приговорить его к розгам.

Одно исключение всё же существовало, потому что с 1864 года в части губерний работали земства, выборные учреждения, которым доверили дороги, больницы, школы и статистику, старательно не доверив политику. Просьбы земцев увенчать здание общероссийским представительством монархия отклоняла, а молодой Николай в первой же публичной речи назвал подобные надежды «бессмысленными мечтаниями». Но земский врач, земский учитель и земский статистик в этой книге ещё появляться не раз, потому что там, где государство видело хозяйство, они первыми начали видеть людей.

Весной 1895 года шестнадцатилетний Семён Канатчиков, крестьянский сын из деревни Гусево Волоколамского уезда, приехал